

Кугай Александр Иванович

ПСИХОЛОГИЯ МАССОВОГО ДВИЖЕНИЯ

Аннотация: глава посвящена этологии и движущим силам массовых движений, выделяются фанатизм, власть и логосфера. Там, где есть социальные проблемы и грамотные люди, появляются острые умы с артистизмом слова, чтобы определить эти проблемы и создать беспокойство среди тех, кто умеет читать, слышать и понимать. Если те, кто у власти, не предоставят, не осыпят почестями и наградами эти острые умы и мастеров слова, таким образом, вырывая их жала и уничтожая их полезность для создания разногласий, условия созреют до такой степени, что возникнет лидер как спаситель бесправных. Те, кто приходит к власти – не фанатики, обычно являются практичными людьми действия, обладающими иным типом таланта. Они знают, как формировать действующие проблемы из бурлящих масс людей. Они – карьерные правители – другой набор, нежели те, кто недавно потерял власть. Массы желают сильных и поддерживают власть пока она сильна. Массы восстают не против порочности старого режима, а против слабого. Сначала массы чувствуют, что власть ослабела, а потом ей начинают припоминать нехорошее, что она делала.

Ключевые слова: фанатизм, фанатик, массовые движения, власть, молодежь, образование, Эрик Хоффер.

PSYCHOLOGY OF THE MASS MOVEMENT

Abstract: the chapter is devoted to ethology and the driving forces of mass movements, highlighting fanaticism, power, and the blogosphere. Where there are social problems and literate people, sharp minds with a mastery of words arise to define these problems and create unrest among those who can read, hear, and understand. Unless those in power shower honors and rewards on these sharp minds and masters of words, thus ripping out their stings and destroying their utility in creating dissension, conditions will ripen to the point where a leader will arise as the savior of the disenfranchised. Those who come to power are not fanatics; they are usually practical men of

action, possessed of a different kind of genius. They know how to shape working problems out of the seething masses of people. They are career rulers – a different set from those who have recently fallen from power. The masses desire the strong and support power while it is strong. The masses rebel not against the wickedness of the old regime, but against the weak. At first, the masses feel that the government has weakened, and then they begin to remind it of the bad things it did.

Keywords: *fanaticism, fanatic, mass movements, power, youth, education, Eric Hoffer.*

Корни и плоды фанатизма

Люди, наполненным «Духом», «оторванные от земли» весьма опасны, поскольку вечно сражаются за то или иное дело. Таких людей вполне справедливо называют фанатиками, от латинского слова «*fanaticus*», что означает «вдохновляться божеством». Для вскрытия корней фанатизма и выявления его плодов, рассмотрим тему в ракурсе трех вопросов: «Как распознать фанатиков?», «Какую функцию выполняет фанатик?» и «Как оценить услуги фанатиков?»

Как распознать фанатиков?

Как и любое простое правило, это имеет свои ограничения: в частности, его недостаточная точность и его неспособность преодолеть субъективные слепые пятна. Более строгие попытки определить качества, определяющие фанатизм, и более объективные оценки личностей помещают некоторых людей, которые почти повсеместно почитаются в нашей культуре, в эту категорию. Например, Савл из Тарса, он же – апостол Павел, ярко подходит под более строгую оценку, хотя эта мысль заставляет многих людей содрогнуться. Это становится еще более правдивым, когда человек прорабатывает Евангелие и находит в личности Иисуса из Назарета множество черт, которые следует отнести к фанатичным. Такие выводы заставляют нас признать ограниченность личных предпочтений в выборе примеров. Они также предполагают, что в фанатизме может быть что-то хорошее.

Одной из известных характеристик фанатизма является *бегство от личной свободы* [7]. Мы наблюдаем это в революционных движениях, даже если они используют идею свободы как стимул или цель. Робеспьер, французский революционер, определил свое революционное правительство как «деспотизм свободы против тирании».

Вторая характеристика фанатизма – *яростное отвержение как прошлого, так и настоящего*. Отвержение прошлого, отвержение настоящего, умаление всех достижений и всего того, что явно хорошо и находится на стадии улучшения, – это четкая линия фанатика в любой области, в которой он работает. Вы никогда не узнаете, что за последние столетия или десятилетия произошли улучшения, имеющие долгосрочное значение, в расовых отношениях, в деловых стандартах, в государственных стандартах, в религиозных обрядах или в любой другой области, если слушать фанатика. Все не только согрешили и лишились славы Божьей, но и все потерялись в глубинах греха, если не примут план спасения, который предлагает фанатик. Он отвергает все, кроме будущей славы, которую можно обрести через его план.

Третьей характеристикой фанатизма является *уверенность в ответах на все проблемы, которые унаследовал человек*. Фанатик – помазанник Божий. Он действительно наполнен духом. Он видит «ясно» там, где другие видят, но через тусклое стекло. Фанатический коммунист бьет по «Капиталу». В марксистской теории он всегда должен быть прав. Фанатический нацист режет по «Майн Кампфу». У него и у «фюрера» были ответы на столетия вперед.

К счастью, мы можем говорить об этом в прошедшем времени – но всегда будут и другие. Четвертой характеристикой фанатика является *его деперсонализация* – как патологическое состояние, когда человек теряет связь со своим «я», собственной личностью и телом. Характерная черта – ощущение оторванности от тела, будто пациент наблюдает за собой со стороны. Постоянный крик фанатика из глубины его души: «Дайте мне лошадь, чтобы ездить». Само собой разумеется, что фанатик убежден в монолитной и вечной природе дела, которому он в настоящее время предан, но, если оно упадет под ним или если он по какой-

либо причине откажется от него, он будет искать другое. Его страстная привязанность к своему делу вытекает не из его морального суждения относительно природы его дела и не из его разума относительно его необходимости, а из глубоко укоренившейся потребности потерянной души принадлежать, потерять себя в привязанности. Его нельзя убедить, но его можно обратить; и он будет дико метаться от причины к причине в своей крайности.

Это не единственные характеристики фанатизма [6], но они помогают нам идентифицировать фанатика таким образом, как мы не можем сделать это простым сравнением с какой-то согласованной моделью. И, в некотором смысле, они помогают нам понять фанатика.

Какую социальную функцию выполняет фанатик?

Ответ, который многие из нас привыкли давать, заключается в том, что фанатик не играет никакой роли, кроме как роли смутьяна, но такой ответ больше исходит из нашего раздражения им, чем из взвешенного суждения относительно его места в нашем обществе. Есть старая поговорка, что для ссоры нужны двое. В этом контексте это сильное преуменьшение. Духовно чувствительные люди всегда знают о несправедливости в любом сложном человеческом обществе. И там, где есть социальные проблемы и грамотные люди, появляются острые умы с артистизмом слова, чтобы определить эти проблемы и создать беспокойство среди тех, кто умеет читать, слышать и понимать. Если те, кто у власти, не предоставят не осыпят почестями и наградами эти острые умы и мастеров слова, таким образом вырывая их жала и уничтожая их полезность для создания разногласий – условия созреют до такой степени, что возникнет лидер бесправных. Люди посмотрят вокруг и скажут: «Вот, ли Тот, который был обещан? Ты ли Тот, который был послан, чтобы спасти нас?»

Именно в этот момент фанатик поднимается, чтобы ответить на призыв. Он накидывает на себя мантию своего бога и появляется в роли спасителя. Таким образом, фанатик играет жизненно важную роль в социальной революции, когда приходит время. Нельзя отрицать его необычайную харизму и прозорливость в правильном суждении о характере времени – если он успешен – но также нельзя

отрицать, что тысячи фанатиков плачут одни в пустыне и умирают, не оставив следов в своем времени, потому что они не удосужились оценить характер времени или ошиблись в своих суждениях.

К несчастью для фанатика, события обычно быстро развиваются и жестоки во время его руководства. Он вырывается наверх, как комета, которая проносится по небу, чтобы осветить небеса. Хвала и слава осыпаются на него, происходят изменения, линии социальной власти сотрясаются до основания, и с каждым изменением он становится все ярче и пламеннее, требуя все большего и большего, в плане жертвенности и революции. Но народ устает, или у фанатика иссякает запас энергии, либо он терпит поражение на войне, или его предадут внутри группы его последователей, или он умирает, и другие берут на себя руководство встревоженными массами.

Те, кто приходит к власти, – не фанатики, они обычно являются практичными людьми действия, обладающими иным типом таланта. Они знают, как формировать существующие проблемы из бурлящих масс. Они – карьерные правители – другой набор, нежели те, кто недавно потерял власть, но очень похожие на них по темпераменту и способностям. Они – администраторы. Они строят государства, церкви и институты. Они восхваляют надежды и видения фанатиков, чье царство не в настоящем, а всегда в будущем, но они максимально используют настоящее.

Гитлер ясно это видел, и он отмечал в «Майн кампф», что, когда в революционное движение вторгаются те, кто хочет максимально использовать настоящее, революционное движение погибло, как это, несомненно, и есть. У каждого последователя пророка есть свои последователи и преемники, которые произносят его фразы и восхваляют его имя, но отрицают его сущность и содержание. Эти последователи, как и фанатики, подвержены ошибкам. Вместе с добром, которое они делают, они сеют семена будущей революции.

Легко увидеть, что фанатик действительно играет важную роль в социальных революциях. Он бескомпромиссный катализатор, который проясняет виде-

ние, усиливает недовольство прошлым и настоящим и указывает на необходимость созидания новой земли для попадания на совершенные новые небеса, которые обладают достаточной мотивирующей силой, чтобы побудить людей к действию. Под влиянием фанатика люди разрушат настоящее и с радостью пожертвуют своими жизнями ради вещей, которых нет, но которые, как они надеются, еще будут. Из-за его функции лучше всего, чтобы фанатик не пережил свою полезность.

«Как оценить услуги фанатиков?»

Самая конструктивная ценность, которую можно приписать фанатикам, – то, что они выступают в роли социальных барометров для более уравновешенных и консервативных людей. Если мы допустим, что фанатик не приобретет известности, если социальные условия не будут подходящими для его появления, то появление фанатика со значительным числом последователей должно быть сигналом для тех, кто отвечает за бесперебойную работу вещей, о том, что необходимы существенные изменения. Это не означает, что изменения, указанные фанатиком, являются правильными. Для России было бы катастрофичным, если бы мы последовали примеру Нестора Махно и приняли принципы анархизма, за которые он боролся.

Если же мы признаем социальные изменения как постоянную и необходимую величину, но с разной скоростью в разные времена раз мы признаем принцип вечной революции. Вместо того, чтобы позволить недовольным социальным группам наращивать достаточный пар, чтобы разнести правительство или институт на части, мы используем фанатиков с существенными последователями, чтобы показать направление, в котором революция должна двигаться дальше. Это, по сути, адекватная социальная философия, философия – нацеленная на перемены, но не собирающаяся отказываться от ценностей настоящего ради безрассудных схем, сулящая лишь будущие ценности.

Массы и власть

В 1951 году вышла в свет книга Эрика Хоффера «Человек убеждённый. Личность, власть и массовые движения» [8]. Исследование посвящено природе

и содержанию массовых движений человечества – будь то партии, религиозные течения, национальные или социальные революции. Автор задаётся вопросом, чем объяснить притягательность для масс таких неоднозначных в мировой истории и духовной культуре фигур, как Христос, Будда, Магомет, Гитлер, Сталин. Выявляя закономерности, Хоффер даёт оригинальные, порой парадоксальные ответы.

Основная идея книги – массы желают сильных и поддерживают власть пока она сильна. Массы восстают не против порочности старого режима, а против слабого. Когда вы слышите, когда переполнится чаша терпения? Какой режим для него станет последним? Никой. Не в злодеяниях дело. Дело в слабости. С начала массы чувствуют, что власть ослабела, а потом ей начинают припоминать нехорошее, что она делала.

Это звучит как приглашение к некой политической безнравственности: будь силен и тогда делай, что хочешь. Но, когда ты делаешь, что хочешь, это может привести к ослаблению твоей власти. И тут массы припомнят тебе все что ты делал безнаказанно, когда был достаточно силен. Этот тезис не об безответственности, тезис о важном качестве и свойстве массового сознания – оно реагирует не на порок и добродетель и даже не на вред для себя, как многие думают, а на силу или слабость.

Восстают против нее, когда, по их мнению, она ослабевает. «Люди готовы жертвовать собой не столько ради настоящего, а сколько ради будущего». Не столько охраняя то, чем они обладают, а сколько пытаясь получить то, чем они не обладают. Это «вещи, которых нет» и они сильнее, чем «вещи, которые есть». Охранительный пафос также может привести людей к разным формам массового поведения в т. ч. насильственного. Но даже в охранительном люди, хотят приобрести то, чего нет. А что это за вещь, которой нет?

Люди охотно предаются само пожертвованию, потому что они хотят избавиться от нежелательного себя, им жизнь недорога, потому что она им не особенно нравится. Сбросить этого себя, который тебе не мил, избавиться от этой

жизни, которая тебя не удовлетворяет – вот что ведет людей к самопожертвованию, это то, что делает фанатизм таким привлекательным. Вещь, которой у тебя нет – это лучший ты. Ты – который не одинок, не маргинален, который действует вместе с другими и теперь ты большой и сильный, у тебя есть идея, которая превосходит твои собственные размеры. Лишение индивидуальности, отождествление человека с коллективом, – база, подпитывающая массовые движения. Готовность к самопожертвованию выше, когда человек участвует в массовом зрелище, в которое много людей вовлечено, они действуют гипнотически. Это известно, не обязательно масса должна идти на погром. Это – коллективный энтузиазм. Вспомните себя – на футбольном матче, на концерте... У Монтеня – «Наши чувства устремляются за пределы нашего Я». Хоффер выявил это представление, которые не могли понять люди более благополучные, которым есть, что терять. Человек – не выгоду ищет, а хочет избавиться от себя. Из скучающих получают революционеры. Нет лучшего показателя, что массы созрели для движения, чем состояние безысходной скуки. Началом массового движения является ощущение скуки. Находят поддержку не столько у угнетенных, а сколько у скучающих. Не любят себя большей частью люди не благополучные, но не только.

Есть перечень неудовлетворенных людей. Они скорее сунутся в массовые движения: бедняки, неудачники, не нашедшие своего места в жизни, изгнанники, подростки, честолубцы, эгоисты, скучающие грешники. Такого рода люди, те, кто не подвергся кооптации, не вовлечен в социальный порядок или вовлечен на неудовлетворяющих их условиях, – являются основателями массовых движений.

Известный тезис Хоффера о трех группах, которые основывают массовые движения, делают, их сильными и это дело завершают.

1-е – это люди слова. Идеологи. Те, кто формулирует революционную идею, или в менее радикальном виде – те, кто формулирует идею массового движения. С них все начинается, без них ничего не будет.

2-я группа – фанатики. Истинно верующие. Термин фанатик – не психи, это люди, которые послушали людей слова и поверили в их правоту. Они составляют мышечную массу этого движения.

3-й тип людей – люди действия. Они – администраторы массового движения. С их помощью движение придёт к власти, потому что идеологи к власти не стремятся. Убежденная аудитория может и стремится к власти, но не знает, как туда попасть. А люди действия могут это сделать. И их приход к власти знаменует завершение динамичной фазы массового движения.

Хотя Хоффер описывал массовые движения на радикальных примерах, поскольку на них это лучше видно, массовые движения он понимал гораздо шире, чем какая-то секта или экстремистская организация.

Придя к выводу, что источник деструктивных массовых движений в скуке, Хоффер обращается к системе школьного образования [11].

В своем эссе Хоффер отмечает, что молодежь в настоящее время не составляет более высокий процент населения, чем это было в прошлом. Процент молодежи оставался на удивление постоянным на протяжении многих десятилетий. Что изменилось, так это процент подростков. Раньше подростками тех, кому от 13 до 19 лет. Теперь в подростковую возрастную группу входят те, кому от 10 до 30 лет. Телевидение дает 10-летним детям образ жизни подростков, в то время как взрыв образования после появления спутника удерживает студентов в возрасте около 20 лет в кампусах в состоянии затянувшегося подросткового возраста. Детей больше нет. Государственные школы переполнены мини-людьми, жаждущими прерогатив и, возможно, обязанностей взрослых.

Как отметил поэт У.Х. Оден [9], современному обществу нужны обряды полового созревания и совет старейшин, которые, вероятно, нам не по плечу. Что нужно этой стране и что она может иметь, так это детский труд. Мини-люди, которым наскучило бессмысленное книжное обучение, жаждут действий, жаждут приобретения всевозможных навыков. В школах не будет мира и эффективного обучения, пока учебная программа не будет реформирована в соответствии с потребностями нового типа учеников.

Есть доказательства того, что студент в возрасте двадцати с небольшим лет, когда он горит желанием учиться, может освоить меньше чем за год все книжные знания, которые учителя пытаются впихнуть в нежелающие учиться, скучающие умы через грамматику и среднюю школу. Есть также доказательства того, что принудительное книжное обучение в государственных школах, вместо того чтобы готовить учеников к более полному освоению предметов позже в колледже, часто делает их непригодными для этого. Когда великого британского физика сэра Джозефа Томсона спросили, почему Англия произвела великих ученых, он ответил: «Потому что мы почти не преподаем науку в школах. Здесь умы, которые приходят к физике, приходят в лабораторию со свежестью, незапятнанной рутинной». Чтение и письмо – это другое дело – если их не освоить в раннем возрасте, у нас будет то, что есть сейчас: студенты колледжей, которые не умеют ни то, ни другое.

Хоффер предлагает, чтобы половина школьного дня была отдана изучению книг – чтению и письму, элементарной математике, знакомству с географией планеты и взгляду на историю с высоты птичьего полета – а другая половина – овладению навыками. Вышедшие на пенсию квалифицированные плотники, каменщики, сантехники, электрики, механики, садовники, архитекторы, градостроители и т. д. могли бы научить молодежь строить дома и дороги, заниматься ландшафтным дизайном и садоводством, управлять всевозможными машинами. Вышедшие на пенсию банкиры, производители, торговцы и политики могли бы знакомить молодежь с финансами и управлением.

В маленьких городах, где есть только одна школа, было бы легко выделить сотню акров или около того, на которых поколения студентов могли бы построить образцовый район, разбить сады и выращивать урожай. В больших городах работу пришлось бы выполнять на окраинах или на землях, освобожденных в результате расчистки трущоб. К тому времени, как они окончат среднюю школу, молодые люди будут готовы зарабатывать на жизнь и управлять миром.

Нет никаких оснований полагать, что взрослые вскоре восстановят утраченные нервы и смогут навязать свои ценности молодым. Но ничто не мешает взрослым передавать свои навыки. Также становится очевидным, что общество, которое не знает, как обращаться с подростками, может поддерживать меру стабильности и преемственности, необходимую для цивилизованной жизни, только упразднив подростковый возраст – предоставив молодым навыки, возможности, обязанности и награды взрослых.

Метафора как инструмент психологического воздействия на массы

Давно замечено, основные трудности социальной политики связаны скорее с постановкой проблемы, чем с ее решением [12]. Постановка проблемы или способ, которым проблема концептуализируется и вербализируется, часто метафоричны и уже влекут за собой решения проблемы. Например, трущобы иногда называют «больными районами» города. Соответственно, существует призыв «отсечь» или снести всю территорию и недоверие к «паллиативам», таким как удаление отдельных зданий, которые не могут остановить «цикл распада». Д. Шон назвал этот тип постановки проблемы диагностически-предписывающим: постановка проблемы (диагноз) определяет решение проблемы (предписание или лечение). Таким образом, он проиллюстрировал свою собственную точку зрения, метафорически поставив проблему эффектов метафор в социальной политике. Медицинская метафора предполагает причинно-следственную связь между диагностикой и лечением, между метафорической постановкой проблемы и решениями, которые вытекают из этой постановки [1]. Однако, вопреки современному положению дел в медицине, причинно-следственная связь между обстановкой и решениями проблемы может быть обратной. Не будет преувеличением предположить, что согласие между лечением, подразумеваемым метафорой, и ранее существовавшим предпочтением определенных решений является основным фактором, определяющим привлекательность и пригодность этой метафоры. Метафоры влияют на мышление о проблемах и в какой степени они влияют на предпочтения в отношении решений.

Традиционно основное внимание уделялось факторам, которые составляют убеждающие эффекты языка. Один из этих факторов был определен Дж. Боуэрсом [10] как «интенсивность» языка: степень, в которой установки говорящего отражаются используемым языком. Слова воспринимаются как более интенсивные, когда они содержат больше слогов, более неясны и им предшествуют интенсивные определители, но прежде всего, когда они метафоричны и экспрессивны [2]. Он сообщил, что участники проводимого им эксперимента, которые слышали умеренно интенсивную речь, меняли свои установки чаще, чем те, кто подвергался воздействию сильно интенсивной речи. Он предположил, что небольшая разница между интенсивностью используемого языка и установками слушателя является наиболее эффективной. Однако М. Осборн [5] сообщил, что сильно интенсивные метафоры могут быть эффективными, когда их использованием завершается речь.

Было предложено несколько объяснений убедительного эффекта метафор. Первое – интенсивность метафорического языка. Как и метафоры, неметафорический интенсивный язык также обладает убедительной силой. Однако Боуэрс и Осборн пришли к выводу, что метафоры не страдают от эффекта бумеранга (феномена, при котором сильно интенсивный язык может иметь отрицательный эффект), а С. Силтанен [13] сообщил, что метафорически интенсивные речи вызывают большее изменение отношения, чем неметафорические интенсивные речи. Убеждающий эффект метафор, по-видимому, не осуществляется механизмами, которые прививают убедительный эффект неметафорического интенсивного языка.

Вторая гипотеза утверждает, что эффекты метафор возникают косвенно, посредством изменений в восприятии достоверности говорящего.

Третья гипотеза заключается в том, что метафоры подкрепляют аргументы, развитые в речи: «Метафора может способствовать убеждению, поскольку она воспринимается как кульминация или экономическое утверждение аргументов, развитых в теле речи» [13, с. 73]. Хотя все авторы, упомянутые ранее, ссылаясь

на эту возможность, никто из них не подвергает ее проверке. Это отсутствие интереса к семантическим аспектам метафор, к тому, как метафоры соотносятся с аргументами, которые используются в тексте, и, в более общем плане, к тому, как метафоры формируют концептуальную структуру темы убеждения, неудивительно.

«Парадигма интенсивности» подразумевает определенный выбор метафор. Главную озабоченность представляют оценочные аспекты (коннотации) метафор, а не связь между метафорой и субъектом метафоры (денотации). Это теоретическое пренебрежение связью между тенором и средством также влияет на операциональную фазу исследования. Нас не столько интересуют оценочные или интенсивные аспекты метафор; напротив, мы фокусируемся на когнитивных аспектах метафор или на том, как средство выражения метафоры влияет на концептуальное представление тенора.

Влияние области применения политического тенора сильнее всего, когда выводы, выведенные из метафоры, предлагают решения проблемы, поставленной тенором, когда, другими словами, выводы имеют последствия для поведения. Для радикальных движений, столкнувшихся с современными проблемами, метафора маски приводит не к большему, а к меньшему согласию (чем почвенные условия) с тезисом о том, что информирование общественности является подходящим решением. Вместо этого освещается другой аспект маски: обман популистами – лево – и право – радикалами своих избирателей [3; 4]. Отсюда важно указать на несоответствия между истинным лицом радикалов и маской, которую они носят.

Заключение

1. Отличительные признаки фанатика проявляются в: а) отвержении как прошлого, так и настоящего; б) бегстве от личной свободы; в) полной уверенности в своей правоте; г) деперсонализации сознания.

2. Где есть социальные проблемы и грамотные люди, появляются острые умы с артистизмом слова, чтобы определить эти проблемы и создать беспокойство среди тех, кто умеет читать, слышать и понимать. Если те, кто у власти, не

предоставят не осыпят почестями и наградами эти острые умы и мастеров слова, таким образом вырывая их жала и уничтожая их полезность для создания разногласий – условия созреют до такой степени, что возникнет лидер как спаситель бесправных.

3. Конструктивная ценность, которую можно приписать фанатикам выражается в том, что они выступают в роли социальных барометров для более уравновешенных и консервативных людей. Если мы допустим, что фанатик не приобретет известности, если социальные условия не будут подходящими для его появления, то появление фанатика со значительным числом последователей должно быть сигналом для тех, кто отвечает за бесперебойную работу вещей, о том, что необходимы существенные изменения.

4. Массы желают сильных и поддерживают власть пока она сильна. Массы восстают не против порочности старого режима, а против слабого. С начала массы чувствуют, что власть ослабела, а потом ей начинают припоминать нехорошее, что она делала.

Список литературы

1. Кугай А.И. Медицина в зеркале художественного творчества / А.И. Кугай // Философия и медицина: вечные темы и современные проблемы. – СПб.: Алетейя, 2022. – С. 147–184.

2. Кугай А.И. Пространство репрессивной логократии / А.И. Кугай // Управленческое консультирование. – 2013. – №1. – С. 132–137. EDN QBQKDD

3. Кугай А.И. Групповая психология и психоанализ лидерства / А.И. Кугай // Современные вызовы образования и психология формирования личности: монография. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 107–116.

4. Кугай А.И. Национализм и популизм как психологические феномены / А.И. Кугай // Педагогика и психология: монография. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 127–136.

5. Осборн М. Архетипичные метафоры в риторике: сфера образов «Свет тьма» / М. Осборн // Политическая лингвистика. – 2008. – №3 (26). – С. 182–191. – EDN JVSEWZ

6. Концен П. Фанатизм. Психоанализ этого ужасного явления / П. Концен. – Харьков: Гуманитарный центр, 2010.
 7. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2023.
 8. Хоффер Э. Человек убеждённый. Личность, власть и массовые движения / Э. Хоффер. – М.: Альпина Паблишер, 2017.
 9. Auden W.H. Prose and travel books in prose and verse, Vol. 2: 1939–1948. Princeton, N.J. // Princeton University Press. 2002. Vol. 2. P. 4.
 10. Bowers J.W. Some correlates of language intensity // Quarterly Journal of Speech. 1964. P. 415–420.
 11. Hoffer E. Viewpoint 1: New Change: The Magazine of Higher Learning. S-F: Taylor & Francis Group, 1976.
 12. Schon D.A. Generative metaphor: A perspective on problem setting in social policy. In A. Ortony (Ed.), Metaphor and thought (pp. 254–283). Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
 13. Siltanen S.A. The persuasiveness of metaphor: A replication and extension // The Southern Speech Communication Journal. 1987. P. 67–83.
-

Кугай Александр Иванович – д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Санкт-Петербург, Россия.
